

26.03.1940 - 21.12.2020

Фото Людмилы Калиниченко

[Доверчивому россиянину. Эпиграмма](#)

[Я Вас люблю. Стихи](#)

[Лекарство. Рассказ](#)

[День Победы. Быль](#)

[Арктический турнир . Очерк-воспоминание](#)

Эпиграмма

Доверчивому россиянину

Ты демократии отдал

Любовь и Веру, и Надежду.

Ну, слава богу, не одежду,

А то б в исподнем ликовал!

Я Вас люблю

Я Вас люблю и, слава богу,

Уж не сумею разлюбить.

Не в силах чувства усмирить,

Склоняюсь к Вашему порогу!

В глазах у Вас и ум, и нежность,

И грусть от таборных певиц.

Сошли Вы с пушкинских страниц,

Как роковая неизбежность!

Душа живет единой страстью,

Рассудок чувством побежден.

Он смят, рассеян, поражен

Чарующей и сладкой властью!

Забыл я сон, хандру, простуду.

Искристый мир бурлит вокруг.

Тепло и нежность Ваших рук

Уж никогда я не забуду!

Я Вас люблю, я Вас ревную

К театру, книгам и друзьям.

И этот роковой изъян

Слепым доверием врачую.

И не поверю, что другой,

Неважно, он глупец иль гений,

Во времена вечерних бдений

У Ваших ног найдет покой.

Я Вас люблю, и все сметает

Она – единственная страсть,

Над нами подлинная власть.

Но, милая! Уже светает...

Лекарство

Рассказ («Миасский рабочий», 16.01.1998)

Кирилл Андреевич положил трубку телефона и тяжело вздохнул. Из аптеки, куда он только что звонил, сообщили, что поступило импортное лекарство, которое он уже месяц безуспешно пытался достать. Лекарство требовалось жене Анне Семеновне. Она уже почти три года не выходила из дома. Разве что в погожие летние дни муж осторожно, по шажку выводил ее в сад за домом и усаживал в старое плетеное кресло рядом с высокой красавицей-вишней, весной покрытой кружевом белых цветов, а в июле украшенной сочными алыми ягодами.

Месяц назад давний товарищ по мед-институту написал Кириллу Андреевичу об этих таблетках, которые должны были обязательно поднять жену на ноги. И вот уже с завтрашнего дня можно будет начать лечение.

Кирилл Андреевич достал из комода деньги — пять бумажек по десять тысяч, надел плащ и шляпу и, ласково улыбнувшись жене, лежавшей на диване, тихо сказал:

— Я быстро, не скучай.

Прикрыв за собой калитку, не спеша двинулся к центру поселка. В свои семьдесят два года он никогда серьезно не болел, разве что корь была в детстве да простуды в сырую промозглую погоду, когда он, детский врач, ходил по вызовам к заболевшим детям.

Правда, в последнее время покалывало сердце, и Кирилл Андреевич старался беречься.

Вот уже семь лет он не работал и большую часть времени проводил в саду и огороде, да и по дому с больной женой хлопот хватало. В последние годы пришлось полностью взять на себя заготовку продуктов и кухню. Но это не огорчало его. За делами на время забывались тягостные мысли о будущем, о сыне, жившем на Дальнем Востоке и приезжавшем раньше с семьей в отпуск раз в три года, а теперь еле сводившем концы с концами. Раньше и звонил иног-да, чаще в дни рождения, под Новый год или к 8 Марта. А теперь какие звонки, какие разговоры? Хватило бы на хлеб, как большинству соотечественников, не попавших в когорту «новых русских».

За грустными мыслями Кирилл Андреевич не заметил, как прошел несколько кварталов. Повернув за угол ближайше-го дома, поднялся на пригорок, с которого уже хорошо видно было здание бывшего исполкома, а теперь, по-ново-му — мэрии. Аптека была рядом с райисполкомом. На пригорке он обратил внимание на двух молодых людей, стоявших у забора в ленивых, безразличных позах. Один из них — высокий, с длинной гривой черных нечесаных волос, курил, облокотившись о забор. Второй, пониже ростом, в ярком спортивном костюме, двинулся навстречу Кириллу Андреевичу, помахивая на ходу каким-то листком.

Не доходя шагов семь-восемь, он вежливо спросил:

— Извините, не разменяете пятьде-сят тысяч?

Кирилла Андреевича, привыкшего за последние годы к хамству молодых людей на улицах и в общественном транспорте, это почтительное обращение просто поразило. От простой фразы, сказанной молодым человеком с еще детским румянцем на щеках и чистыми голубыми глазами, повеяло на Кирилла Андреевича прошлым, не загаженным хамством и грубостью.

— С удовольствием, молодой чело-век, — приветливо сказал он и торопливо стал нащупывать во внутреннем кармане пиджака свои пять бумажек из комода.

— Вот как раз пятьдесят, — сказал он, протягивая парню деньги. Улыб-ка красила молодого человека, и Кирилл Андреевич мысленно отде-лил его от товарища, курившего у забора.

«Совсем этот мальчик ему не пара!» — по-отечески подумал он.

Парень взял деньги, потом почему-то покрутил своей голубой бумажкой перед глазами Кирилла Андреевича, повернулся и медленно пошел вниз по пригорку. Длинноволосый напарник от-делился от забора и тоже начал спус-каться с пригорка. Кирилл Андреевич оцепенел:

— А деньги? Молодой человек! — крикнул он им вслед, недоумевая.

Повернувшись к Кириллу Андрееви-чу, голубоглазый назидательно пояс-нил:

— Запомни дедуля: деньги — зло! И, уже не оборачиваясь, быстрым

шагом они стали удаляться в боковую улицу.

— Мерзавцы! — прошептал побелев-шими губами старик. Его трясло от нена-висти и бессилия, закололо в левой сто-роне груди. Он сделал несколько шагов и почти лег на забор соседнего палисад-ника. Долго не мог вытрясти на ладонь таблетку нитроглицерина — тряслись руки. По привычке стал ждать, когда прекратится покальвание слева. «Что де-лать? — думал он. — Сказать Анечке правду — это убьет ее. Пойду к Андрею, перехвачу до пенсии. Они с женой оба фронтовики, все-таки получают поболь-ше. Выручат». И, отдышавшись, медлен-но побрел в обратную сторону.

День Победы

Быль.

В гарнизонном госпитале умирал от старых ран отец Вадима Никольского. Студенту Борису Романову, другу Вадима, это казалось противоестественным. За свои неполные двадцать два года, первый из которых пришелся на войну, он как-то свыкся с мыслью о том, что война, вернее, ее страшные атрибуты: ранения, госпитали, и смерти — остались в том трагическом и героическом времени; когда он и его сверстники только начинали осваивать половицы родительского дома.

Смерть человека — несчастье. Но быть настигнутым войной через двадцать с лишним лет после Победы — это казалось Борису особенно несправедливым. Он давно, с детства, знал Кирилла Николаевича, считал его близким для себя человеком и телеграмму Вадима о необратимом ухудшении здоровья отца воспринял как сигнал бедствия. В тот же день

Борис известил старосту о своем отъезде и поехал в Губернское - небольшой городок, в котором в войну формировались со-единения Уральского добровольческого корпуса. В этом городе, в госпитале, и лежал Кирилл Николаевич. В последние годы он уже несколько раз лечился там, и Борис не однажды бывал у него. Старший Никольский был назначен в этот город военкомом сразу после войны. Жена его Ольга Александровна преподавала немецкий язык в школе, в которую Борис с Вадимом пришли в первый класс. Так что сначала Борис познакомился с сыном и женой Кирилла Николаевича. Самого военкома он узнал позже, когда подружился с Вадимом, и они стали бывать друг у друга. В полковничьих погонах, с несколькими рядами орденовских планок на груди Кирилл Николаевич выглядел очень внушительно. Но шуточный тон, который он взял с Борисом, как-то сразу нейтрализовал его солидность и военную строгость. Войну Никольский закончил командиром полка. По его рассказам полк был смешанным: были в нем и самоходки, и тяжелые танки, и английские «Валентайны». Заморскую технику держали больше за комфортабельность и сильную рацию — вооружение у «Валентайнов» было слабоватым. Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят. Вот и использовали их как штабные машины... Был канун Дня Победы. Глядя из окна электрички на станции, празднично украшенные еще Первого Мая, Борис вдруг вспомнил рассказ Кирилла Николаевича о его последнем бое.

«Это было уже после капитуляции. Наши обнаружили колонну немцев, уходивших к амери-канцам, и послали им «на хвост» лейтенанта из разведуправления армии. Играя роль немца, переодетый в их мундир, он шел в колонне, на немецкой штабной радиостанции и должен был выхо-дить на связь со своим друж-ком, тоже лейтенантом, ко-торый чуть позже поселил-ся в моем «Валентайне».

Лейтенант прибыл в полк вместе с офицером связи, доставившим пакет от ком-дива. Полку предписывалось перехватить колонну, двигав-шуюся в зону действия со-юзников. Колонну надо было разоружить либо уничто-жить. Нам придавался диви-зион гаубиц. Маршрут ко-лонн прослеживали через того лейтенанта. Вскоре при-был и капитан с гаубицами. Капитан был лихой, доклады-вал с улыбкой, хотя вид имел несколько помятый. Оно и понятно: немецкую капиту-ляцию праздновали всей ар-мией, и капитан вчера имел право превысить норму.

Глядя в его карие, с дерзинкой, глаза, я спросил, как у него со снарядами. Капи-тан махнул рукой в сторону своей колонны, стоявшей под кронами небольшой ду-бовой рощи, и два «Красных Знамени» да ряд медалей на его груди празднично зазвенели:

— По десять комплектов, товарищ подполковник! Лич-ный приказ начарта дивизии.

Я коротко пояснил ему по-ставленную перед нами за-дачу и в заключение сказал:

— Ну, вот что, капитан. Где служил и из какого класса на фронт сбежал, сейчас выяс-нять некогда. Поговорим после боя...

Он все понял:

— Думаете, полезут на-пролом, товарищ подполков-ник? Да я дам пару залпов — встанут, как миленькие.

— Может и встанут. Но боя не исключаю. Так что людей на легкую прогулку не настраивай. Лишней кровью за это заплатим. Подробности по порядку движения полу-чишь у начштаба, — я кивнул в сторону Сережи Макарова, заканчивающего построение полка... Был у меня такой майор — умница и во-обще талантливый парень. Старинные романсы с душой исполнял, да не под гитару, а под пианино старых немецких мастеров — много их тогда, бесхозных, в брошен-ных фольварках да именах встречалось.

Вот и решили мы с ним, с Сережей, поднимать полк с упреждением. С трудом, правда, но полк построился ко времени, указанному комдивом. А когда построились, неожиданно и сам комдив подскочил на своем «виллисе» вдвоем с адъютантом, без автоматчиков, и сказал пару слов. Мол, понимаю, хлопцы, вы свое от-воевали честно, но не можем мы эту сволочь эсэсовскую так к союзникам пустить. За зверство на нашей земле сами судить их будем.

С этими словами и проводил он полк в последний бой. Обнял напоследок нас с Сережей и тихо так сказал:

— В первую очередь предлагайте сдаться, огонь открывать только в крайнем случае. Ну, да не мне вам говорить, знаю, как люди после вчерашнего жить хотят.

Лейтенантов друг, что «на хвосте» у немцев сидел мо-лодчиной оказался. Вывел нас километров на пятьдесят западнее их колонны. Закопаться основательно мы, конечно, не успели, но разме-стились и замаскировались сносно, Капитана с гаубица-ми я позади полка поставил, а его офицера из взвода уп-равления к себе на КП взял.

И вот уже смеркаться ста-ло — слышим, ползут. В би-нокль различаю, что впе-ре-ди тяжелые танки идут, а дальше сплошная каша: и легковые, и бронетранспор-теры, и самоходки, и даже конные упряжки.

Группу парламентаров я подобрал, сам. Взял лейте-нанта-радиста, немецким он владел в совершенстве, и од-ного сержанта-разведчика. Замполит сначала на дыбы: мол, не имеешь права собой рисковать, дай я пойду, или вот — Евстигнеева в кожа-ном реглане без погонов пустим — с его старшинским животом вполне на генера-ла потянет. Но я

по-дружески напомнил, кто здесь командир, и приказал ему с начштаба внимательно за ракетами следить. Если до двадцати ноль-ноль зеленой не будет, открывать огонь, несмотря ни на что. Но немцев на шоссе запереть.

Пошли. Сержант в руке белый флаг несет, спокойно так печатает шаг по асфальту. Паренек-радист, хоть и худенький парнишка, тоже молодцом держится. Так и идем святой троицей, как всегда на Руси велось. Прошли мы полкилометра. Передний танк фары включил, осветил нас, и сразу колонна остановилась. Порядок у них до конца соблюдался железный. Смотрю — навстречу тоже трое идут, но с оружием: у двоих «шмайсеры» поблескивают. Сержант мне: «Товарищ подполковник, нам бы тоже чего-нибудь взять надо было...» Я ему: «Мы же, Лапин, парламентареры, по международным понятиям люди неприкосновенные. А в крайнем случае полк из них кашу сделают». «Да, верно, товарищ подполковник, только обидно загнуться, когда война кончилась...»

Подошли трое. Мундиры армейские, не эсэсовские. Ну, тут лейтенант начал шпарить: «Советское командование, не желая излишнего кровопролития, предлагает вашей колонне сдать оружие, исправную технику и построить личный состав на шоссе для конвоирования в наше распоряжение. Соппротивление бесполезно, огня хватит на всех с избытком. Ответа ждем до двадцати ноль-ноль».

Немцы в ответ на рубленные лейтенантов фразы переглянулись, и средний, в звании гауптмана, отвечает, что сами они этого вопроса решить не могут, проводят нас к своему командованию. Но я это учел, у нас еще тридцать минут до двадцати ноль-ноль оставалось.

За пятым танком сгрудилось несколько легковых автомобилей. В переднем, вижу, мелькнули витые генеральские погоны. Я повторяться не стал, лейтенант сам отбарабанил условия, а гауптман на ухо генералу комментарии выдал. Генерал устало посмотрел на гостей и приказал, по словам лейтенанта, отвести нас в сторону и созвать старших по колонне. Что там, нам не видно было из-за двух бронетранспортеров, за которые нас отвели. Но только долго они совещались...

Время уже к двадцати подходит. Осталась одна минута, а обстановка неясна. Если в колонне много эсэсовцев, то сдачи не получится, эти голово-резы и генерала прикончат именем фюрера, и попрут под огонь. Но вот уже и двадцать ноль-ноль, а

наши молчат. Что же Макаров, думаю? Надеется, видно, на умных немцев, не открывает огня. И только в двадцать ноль пять подходит тот самый гауптман и приглашает нас к генералу. Шагов пять до генеральской машины не дошли, пистолетный выстрел раздался совсем рядом, за бронетранспортером. Я сначала не понял, в чем дело, а лейтенант просиял и талдычит: «Приняли, товарищ подполковник, приняли! Это эсэсы стреляться начали. Хороший признак!»

Генерал из машины уже вышел, шпагу в руках держит, гауптман напыжился со-ответственно моменту и выдал, как на приеме: мол, ударная группировка генерала Димара принимает условия советского командования с одной оговоркой: высшие офицеры вермахта двинутся в плен на своих автомобилях. В знак согласия я кивнул головой, и сержант выпустил долгожданную зеленую ракету. В ее праздничном свете было видно: экипажи танков и самоходок полезли из башен. Зазвенело оружие об асфальт. Донеслось еще несколько пистолетных выстрелов. Видно, этим подонкам в черных мундирах легче было умереть здесь, на шоссе, чем идти под конвоем «Иванов».

Вдруг ко мне подбегает молоденький немец в унтер-офицерских погонах и, вскинув, ладонь к виску, рапортует на чистом русском: «Товарищ подполковник! Лейтенант Сергеев в ваше распоряжение прибыл. Разрешите обратиться к лейтенанту Ращектаеву!» Вот тут я ему и не разрешил. Схватил я этого мальчишку за плечи, целую его, а у самого, голос дрожит: «Сынок, говорю, от всего полка тебе спасибо! Да с такими ребятами и черта сломать можно, не только этих тевтонов!»

А лейтенанты мои обнялись скромно, как солдатам полагается, и по-мальчишески начали вспоминать все, что за эти сутки произошло.

На мою ракету замполит и начштаба на «виллисе» подъехали. Поздравляют с операцией. А я им:

— За нарушение приказа всыплю обоим по выговору. Почему в двадцать ноль-ноль огонь не открыли?

— Так, надежда была, Кирилл Николаевич, — отвечает Макаров, — Ну сколько можно этим заводным куклам напролом переть?

Тут я, конечно, обнял их тоже и поздравил с окончательной Победой. Вот так и закончился мой необычный бой. Бой после Победы...»

...Борис прикрыл глаза, пытаясь представить себе этих молодых лейтенантов, о которых рассказывал Кирилл Николаевич. Они ведь вполне могли быть моложе, чем он сейчас. И оказались достойными своих старших товарищей по оружию...

Объявили название следующей станции. Здесь Борис должен был выходить и дальше добираться на автобусе. Подъезжая к перрону и выматривая в окна свободное такси на привокзальной площади, он не мог знать, что в общезнании на его имя уже лежала телеграмма о смерти Кирилла Николаевича.

Арктический турнир

Очерк-воспоминание

В 1987 году мне с группой наших специалистов из Конструкторского Бюро Машиностроения довелось участвовать в высокоширотном подводном походе, а проще – в плавании к Северному полюсу.

Нашей задачей было совместно с экипажем подводной лодки контролировать условия хранения ракет, предназначенных для испытаний в условиях высоких широт, и обеспечить готовность ракетного комплекса к проведению этих испытаний.

Для нас, гражданских, все было необычным в отсеках лодки. Незачем смотреть в окно –

снег или дождь на улице. За бортом всегда одно и то же – упругая океанская толща воды от серого до изумрудно-зелёного цвета.

Но даже если захочется взглянуть, то смотреть не во что. На нашей субмарине окон или, по морской терминологии, иллюминаторов просто нет. Они были у капитана Немо на его чудесном «Наутилусе», к прозрачным стёклам которого подплывала всякая подводная живность, включая огромных кальмаров. Здесь же мы видели их только в консервных банках в собственном соку.

Окон нет, но корабль напичкан таким количеством аппаратуры, что командир «видит» и скалы на дне океана, и нависающие над ними основания могучих айсбергов, и сталактиты полярных льдов вблизи полюса. Акустика нужна и для поиска полыньи, чтобы в нужный момент лодка могла всплыть и выполнить главную задачу, ради которой экипаж проводит столько времени подо льдами.

Кстати, когда лодка всплыла совсем недалеко от полюса, и мы поднялись в рубку, то увидели сравнительно небольшую полынью. В ней могло разместиться не более двух таких мастодонтов, как наш корабль.

В первую же неделю похода мы обнаружили на корабле сауну, стилизованную под русскую баню, и бассейн с морской водой. Забортная вода подогревалась до 16-18 градусов и прекрасно освежала после горячей сауны. Иногда командир вне очереди дарил эту роскошь нам – «гражданским специалистам», как официально называли нас по корабельной трансляции. Он понимал, что нам, большей частью уже немолодым людям, приходилось сложнее в этом довольно однообразном режиме похода, чем экипажу.

Свободного времени, между дежурствами, или, как говорят на флоте, вахтами, у нас было достаточно, и каждый в эти часы занимался, чем хотел. Некоторые читали, вспоминали всякие житейские истории, байки. Перед походом я купил в местном универмаге шахматы с картонной доской. И здесь они оченьгодились. Сначала мы играли в своей каюте с Юрой Гуревичем, специалистом по динамике полёта. Потом к нам стали заглядывать болельщики, которые быстро превратились в азартных игроков. Дело в том, что шахматы были довольно популярны среди работников КБМ, и некоторые из нас периодически участвовали в спартакиаде предприятия в составе команд своих отделов.

Иногда в нашу каюту заходил и Александр Петрович – технический руководитель нашей экспедиции. Ему тоже удавалось сыграть две-три партии. Играли на высадку, без часов. Поэтому иногда возникали прения на тему: «Ну что ты опять думаешь, как слон?»

Однажды, уже на обратном пути из Арктики, старпом предложил провести шахматный матч между экипажем и нами – «промышленниками». И на следующий день, 6 сентября 1987 года, матч начался. На первой доске с нашей стороны играл технический руководитель испытаний Гребнев А. П., а со стороны экипажа – старший помощник командира корабля (фамилию, к сожалению, не помню). На остальных досках играли Гуревич Ю. И., Романов С. А., Шумихин Е. Н., Тарасов И. М. и ваш покорный слуга. Моим соперником был старший матрос Колосовский.

Главным судьёй был легендарный человек – командир первой подводной лодки «Акула», Герой Советского Союза Александр Васильевич Ольховиков. В этом походе он осуществлял общее руководство в качестве командира дивизии.

Сергей Романов, специалист по системе измерений, выиграл у офицера с оригинальной фамилией Тесля. Мне тоже удалось выиграть свою партию. В итоге победу одержала команда КБМ, к сожалению, общий счёт в памяти не сохранился.

В качестве приза нашей команде была вручена корабельная рында (небольшой бронзовый колокол, которым в стародавние времена на кораблях «отбивали склянки»). Каждый участник победившей команды был награждён похвальным листом с печатью и подписью командира Юрия Николаевича Репина.

На долгие годы запомнился мне этот заполярный подводный шахматный турнир.

